

Морфология городского пространства

Н. Р. Мысак

Мысак Наталия Романовна (Львов, Украина) — аспирантка Института архитектуры Национального университета «Львовская политехника»; Email: nataliia.mysak@gmail.com

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОДЕРНИСТСКИХ МОРФОЛОГИЙ: ЖИЛОЕ ПРОСТРАНСТВО РАЙОНА СЫХОВ ВО ЛЬВОВЕ

Районы массовой жилой застройки второй волны модернизма формируют среду, в которой многие урбанистические процессы становятся более явными и проявляются более честно, чем в исторически генерированных городских пространствах. Сыхов как рабочее поселение начали строить в конце 1970-х годов на окруженной индустриальной зоной территории. С того времени жилой район все больше интегрируется в структуру города. Сыхов — район, который очень чувствителен к трансформациям контекста, и вместе с тем, в постоянном состоянии трансформации пребывают его идентичность и физическая структура. В статье предпринята попытка очертить некоторые тенденции воспринимаемого и испытываемого в районе на нескольких формальных уровнях городского планирования.

Ключевые слова: район массовой жилой застройки, поздний модернизм, система ступенчатого обслуживания, пространственные практики, жилое пространство

N. R. Mysak

Nataliia Romanivna Mysak (Lviv, Ukraine) — Postgraduate at the Institute of Architecture, Lviv Polytechnic National University; Email: nataliia.mysak@gmail.com

REINTERPRETATION OF MODERNIST MORFOLOGIES: A LIVED SPACE OF THE SYKHIV DISTRICT OF LVIV

Large scale housing developments, built during the second wave of modernism, are the environments where many urban processes are more visible and are displayed more honestly than in the historically generated environments. As a worker's settlement, Sykhiv started being constructed inside the ring of industrial zones at the end of the 1970s and thenceforth it's becoming increasingly integrated into the city. Sykhiv is an example of a district, extremely sensitive to contextual changes, and at the same time, its physical structure and identity are constantly changing. The author attempts at defining certain tendencies of the perceived and the experienced city planning in the district on several formal levels.

Keywords: large scale housing development, late modernism, graded service system, spatial practices, lived space

История социалистического жилого района Сыхов начинается еще в 1960-е годы, когда Совет Министров СССР утвердил генеральные планы для 25 украинских городов, которые должны были стать индустриальными центрами. Во Львове, как и во многих других городах Украины, освоение промышленных зон происходило быстрее, чем освоение зон, предназначенных для жилой застройки, в результате чего более 120 тысяч работников новых предприятий должны были каждый день преодолевать значительные расстояния от пригородных населенных пунктов к новым рабочим местам. Предполагалось, что новый район Сыхов сократит функциональные связи между местом работы и местом проживания. Первый детальный план района был разработан в середине 1960-х годов, дальнейшее проектирование осуществлялось в 1970-е годы. Район охватывает территорию в

390 гектаров и состоит из 12 микрорайонов, каждый из которых был рассчитан на 7–10 тысяч жителей [3].

Первое жилое здание — девятиэтажный крупнопанельный дом — было сдано в эксплуатацию в 1981 году. В 1987 году в советском архитектурном журнале «Строительство и архитектура» Сыхов позиционировался как «эталонный» район в процессе строительства, в проекте которого был соблюден принцип комплексности, являющийся основой социалистического градостроительства, и соответственно, предусмотрены условия для функционирования *ступенчатой системы обслуживания* [3]. Как известно, *эта система* была основана на идее распределения общественных функций на три группы в зависимости от частоты использования. Функционирование микрорайона как градостроительной единицы обеспечивала «первичная» группа обслуживания, предназначенная для ежедневного использования. Комплекс функций периодического обслуживания был рассчитан на несколько микрорайонов и объединял их в жилой район. Функции эпизодического использования должны были формировать общественные «магниты» для целого города [4].

Улица *Криворизька* проходила вдоль главной оси, начерченной еще в первом эскизе самого большого социалистического района Львова. Эта улица должна была соединить новый жилой район с кольцевой дорогой, но вместо этого она остановилась среди поля, постепенно обрастая стихийной инфраструктурой. Район Сыхов, который должен был стать «южными воротами» в город, остался бетонной стеной, которую можно увидеть, проезжая по кольцевой. Когда-то улица *Криворизька*, а сегодня — проспект *Червоной Калыны*, как и было запланировано, выполняет функцию главной транспортной артерии района, но сам Сыхов, который должен был стать одним из важных узлов в структуре полицентричного города, долгое время воспринимался лишь как его периферия, а иногда и вовсе как территория, граничащая с городом. Львов часто называют архитектурным палимпсестом, где на историческое ядро концентрически наслаивается архитектура, отображающая драматические повороты истории города, но при этом неотрефлексированная архитектура модернизма часто остается вне дискурса о материальном наследии.

Рис. 1. Вид на район Сыхов с кольцевой дороги

Однако в Сыхове в большинстве случаев строительство общественных зданий и комплексов происходило медленнее, чем строительство жилья, а некоторые из них и вовсе не были построены [3]. Кроме того, начальный проект района не был осуществлен в полной мере из-за экономического кризиса, начавшегося вскоре после выхода вышеупомянутой публикации. Поскольку комплексность была достигнута только частично, жители Сыхова унаследовали район как физическую структуру, лишенную некоторых функциональных связей в новом контексте. Впоследствии начало формироваться качественно новое жилое пространство и вырабатываться пат-

Рис. 2. Район Сыхов в структуре Львова

терны функционирования ранее неизвестной жителям городской морфологии. Используя термин *жилое пространство* как изменяемое во времени и зависимое от социальных взаимодействий непосредственных пользователей, я ссылаюсь на понятие *lived space*, предложенное А. Лефевром в труде «Производство пространства» [5].

Наряду с многочисленными исследованиями постсоциалистических городов, склонных к универсализации и обобщению, так же необходимы и более индивидуализированные, которые задают вопросы на микроуровне [7]. Часто эпистемологическая основа исследования постсоциалистических городов не является предметом для дискуссий, а сформирована на основе стереотипов постсоциалистического развития городов и репрезентаций «центрально-восточного европейского города» в связи со схожестью их послевоенного коммунистического опыта [7]. Если же говорить о районах массовой жилой застройки, то на постсоциалистическое клише накладывается еще и клише массового жилья периода индустриального типологизма. Несмотря на то что похожие жилые районы можно найти в большинстве городов Европы, чаще всего они ассоциированы с городским пространством стран бывшего Советского Союза или же Восточного блока, поскольку именно там они достигали высшей степени гомогенности и наибольших масштабов. Но как утверждает, в частности, Ф. Урбан, интернациональный стиль никогда не был полностью интернациональным [8]. И даже в отдельных постсоветских странах ему были присущи локальные особенности, которые были артикулированы в меньшей степени через градостроительные и архитектурные особенности и в значительно большей — в процессе трансформации и эксплуатации пространства. Исходя из этого, именно контекст есть причина того, что жилые районы с похожими градостроительными и архитектурными морфологиями развиваются по разным сценариям [8]. Соответственно, для того чтобы проанализировать и найти отличия и особенности такого типа архитектуры, необходим переход от модернистского *grand narrative* XX века к субъективизму необезличенного отдельного пользователя.

На основании 10 глубинных полуструктурированных интервью с жителями района¹, которые проживают там от 13 до 30 лет, я постараюсь очертить непостоянные границы совместно создаваемого ими жилого пространства, начиная с конца 1980-х годов и до настоящего времени, и сопоставить их со структурой *ступенчатой системы обслуживания* на уровнях города, района и микро-района.

Уровень города. Среда, произведенная с помощью модернистских принципов градостроительства, была абсолютно неизвестной, чуждой для первых жителей. Когда они вселялись в квартиры полупустых домов, на соседних участках часто еще велось строительство, а инфраструктура района только начинала развиваться. Жители описывали район как *чужой, огромный, неизвестный, с неухоженным пространством, не обжитый, индустриальный, с одинаковыми ужасными домами*.

Вместе с тем, как вспоминает *Василь Иванович*², переехавший в Сыхов в 1985 году, у него были очень «неоднозначные чувства», поскольку, несмотря на все недостатки нового района, его семья была очень рада возможности жить в собственной квартире. Для *Петра Михайловича*, который работал строителем в Сыхове, новая среда также не была привычной, но его отношение к новому дому «становилось все лучше и лучше [...], а район — все более родным, а все необходимое со временем стало находиться поблизости». В то время, когда он строил дом, в котором вскоре поселился, ему удалось познакомиться «со всеми строителями, а также будущими соседями».

Среди группы опрошенных только для *Ивана*, переселенца из города Припять, основанного в 1970 году и застроенного массовым жильем, градостроительная и архитектурная морфологии Сыхова была привычной жилой средой.

Названный в честь пригородного села, Сыхов является следствием индустриализации и обладает особенностями как урбанистической, так и сельской сред. Однако для изучения этого района в общей структуре города и описания происходящих в нем процессов вместо дихотомии урбани-

1. Опрос проводился в июле и августе 2015 года совместно с социологом Наталией Отрищенко в рамках исследования Центра городской истории Центрально-Восточной Европы во Львове

2. Здесь и далее используются псевдонимы

стический/сельский могут быть более эффективными такие его характеристики, как соединенность или отсоединенность с/от городом/-а, аналогично идее Ю. Кинг, которая предложила заменить концепты *urban/rural* на *connected/disconnected* для некоторых новых типов урбанности.

Рис. 3. Транспортный узел «Санта Барбара». Вид из микроавтобуса.

Сыхова и его, на первый взгляд, гомогенностью, и в то же время отличием его градостроительной среды от гуманного масштаба европейского города, львовяне восприняли Сыхов как отдельную единицу. Несколько респондентов заметили, что Сыхов для них даже не воспринимался как часть Львова, а иногда — и противопоставлялся ему. *Таня* переехала в Сыхов, когда ей было три года, — она произвольно называет район «нашим городом».

Градостроительные принципы, примененные в Сыхове, были основаны на идее эффективных связей между точно распределенными зонами для жилья, работы и обслуживания. Поскольку индустриальные предприятия Южного промышленного узла, окружающие жилую зону, не выдержали экономического кризиса, их прежние работники снова должны были преодолевать значительные расстояния к новым местам работы. В соответствии со *ступенчатой системой обслуживания*, общественные объекты на уровне города должны быть легко доступны с помощью транспортной инфраструктуры. Ситуация с общественным транспортом в Сыхове не способствовала посещаемости жителями района культурных объектов за его пределами. Функциональные связи треугольника «жилье-работа-обслуживание» были неэффективны. Пространственная разъединенность была также усилена психологической, основанной на отличиях градостроительной структуры района и его ассоциациях с сельской средой. Эти особенности повлияли на развитие внутренней инфраструктуры и образование новых паттернов пространства, а вместе с ними — и нового типа городской среды, когда-то чуждой для Львова. Таким образом, оторванность Сыхова постепенно уменьшается в связи с развитием транспортной инфраструктуры, а также — с появлением новых уникальных функций в районе.

Уровень района. Описывая район, респонденты не использовали названия улиц, за исключением названий двух главных — Сыховской и проспекта Червоной Калыны, которые формируют основу структуры района и имеют некоторые черты, соответствующие функционированию исторического типа улицы. Для ориентации в пространстве жители района используют пространственные элементы — точечные или плоскостные. Четыре основных общественных кластера района — это главный обществен-

Первоначально неэффективные пространственные и функциональные связи с остальными районами города сильно повлияли на дальнейшее развитие района, расположенного на расстоянии семи километров от исторического и административного центра. Сеть общественного транспорта в районе постепенно развилась от трех линий до приблизительно двадцати. Значительно улучшил транспортное соединение Сыховский мост, построенный в 2004 году. Инфраструктуру для трамвая, линия которого присутствовала в эскизе первого градостроительного предложения, начали строить лишь в 2008 году. В связи с первичной пространственной оторванностью

Рис. 4. «Санта Барбара», транспортный узел и торговый центр

ный центр с церковью, кинотеатром, а также обеспечивающий торговую, спортивную и некоторые другие функции, а также — три субцентра обозначены торгово-бытовыми центрами — «Искра», «Шувар» и «Санта Барбара». Последнее название фиксирует гибридный характер 1990-х. Тогда в противовес официальному названию торгово-бытового центра «Зубра» (Зубра — близлежащие село и река) активно использовалось народное название «Санта Барбара», происходящее от названия одноименного телесериала, популярного среди зрителей украинского телевидения в середине 1990-х. Во вступительной заставке сериала были использованы мотивы арок, которые также стали отличительным элементом сооружения упомянутого торгово-бытового центра, получившего первую премию на ежегодном смотре-конкурсе проектов в области архитектуры и градостроительства Украины. Практически сразу народное название прижилось и стало фигурировать в расписаниях транспорта; сегодня топоним «Санта Барбара» обозначает территорию нескольких прилегающих микрорайонов.

Рис. 5. Транзитное пространство проспекта Червоной Калыны

являются репрезентативными для района. Жилое пространство за пределами двух главных улиц имеет более нестабильную природу и в большей степени зависит от субъективного восприятия отдельного пользователя.

Уровень микрорайона. Вместо того чтобы стать средой, которая может воспитать новое эгалитарное общество, можно предположить, что пространство района Сыхов становится фоном для социальной композиции, более подобной коллажу, где силой случая были собраны люди с разными опытами проживания в разных средах, с разными профессиональными специализациями и т. д.

Жилой дом на улице Кос-Анатольського с народным названием «Берлинская стена» может быть воплощением этой метафоры социального коллажа: одна его половина была заселена приезжими из сельских местностей, другая — переселенцами из Чернобыльской зоны отчуждения. Иван, покинувший Припять вместе со своими родителями после катастрофы, говорил, что отличия между «нами» и «ними» присутствовали в быту. Так он рассказывал, что это было заметно на примере использования совместных пространств возле дома. Жители «чернобыльской» части, которые имели опыт пребывания в подобной градостроительной среде и которым уже приходилось

Рис. 6. Внутренний двор

совместно использовать открытое пространство, перенесли свой опыт на новое место: на участке возле своей половины дома они совместно посадили общий сад. В то же время, люди, вселившиеся в другую часть дома, вели себя более индивидуалистично: они распределили участок возле дома между желающими соседями, где те организовали более приватные грядки или цветники.

Первыми жителями Сыхова были преимущественно молодые семьи, и, как вспоминает *Степан*, ребенком переехавший в Сыхов, отличительной чертой района было то, что «там всегда было много детей на улицах». Большинство опрошенных сказали, что их район очень комфортный для семей с детьми. *Ярина* переехала в Сыхов, когда ей исполнилось двадцать, но поняла, что это «идеальное место» только спустя несколько лет, когда стала мамой. Район стал удобным для нее «не только потому, что торговый центр и большой рынок рядом, но и потому, что детские и спортивные площадки... и, конечно, лес возле дома». Она, как и большинство респондентов, заметила, что проводила большое количество свободного времени в лесопарке, а для некоторых он до сих пор является любимым местом в районе. Но также *Ярина* сказала, что ей нужно было сделать выбор между организацией досуга детей и возвращением к работе, поскольку ей пришлось бы тратить слишком много времени на дорогу. «Район с большим количеством молодых мам» — подобные формулировки были использованы несколькими респондентами. *Иван* также отметил, что отличительной чертой Припяти, где по-другому были организованы функциональное зонирование и инфраструктура, было то, что в семьях с детьми там обычно работали оба родителя.

Рис. 7. Внутренний двор

Пространственные практики детей существенно влияли на жилое пространство семей за пределами квартир. Как заметил *Василь Иванович*, «первично личная зона семьи в районе была очерчена детьми, это — территория, где они пребывали и играли», и эта территория приблизительно отвечала конфигурации прилегающих жилых дворов. *Олег*, который вырос в районе, вспоминал, что, будучи ребенком, он очень сильно чувствовал принадлежность к «своей территории»: «все в районе знали, из какого ты двора». Частично причиной этого могут быть особенности морфологии микрорайонов, которые формировались из групп девятиэтажных домов 84-ой «львовской» серии. Львовское отделение Национального планировочного института «Діпромісто» улучшило типовую серию № 84, разработав шесть типов блок-секций, что позволило формировать более разнообразные полузамкнутые жилые дворы, благодаря чему урбанистическая канва модернистского района стала более близкой к традиционной квартальной застройке. В соответствии с первоначальной идеей функционирования микрорайона, жилые дворы были предназначены для формирования социальных связей и активного места взаимодействия. Однако пространство жилого двора сейчас в большинстве случаев воспринимается как место для детей и людей пожилого возраста, и часто занято автомобилями. Но вместе с тем *Олег* и *Иван* также вспоминали, что, будучи детьми, они почти никогда не проводили время на отведенных для детей пространствах, им больше нравилось исследовать заброшенные строительные площадки.

Олег помнит, что он существенно расширил свое жилое пространство в подростковом возрасте. В то же время школы во всем районе стали пространственными ориентирами и неформальными местами для встреч: «Когда мы договаривались о встрече, мы определяли место не по названию улицы, как, наверное, это было бы логически делать в центре города, а по номеру школы». Предполагалось, что в структуре микрорайонов школы и детские сады, кроме своей основной функции, станут и культурными центрами, но в большинстве случаев они становились пространственными ориентирами для подростков и взрослых.

Пространственные практики детей существенно влияли на жилое пространство семей за пределами квартир. Как заметил *Василь Иванович*, «первично личная зона семьи в районе была очерчена детьми, это — территория, где они пребывали и играли», и эта территория приблизительно отвечала конфигурации прилегающих жилых дворов. *Олег*, который вырос в районе, вспоминал, что, будучи ребенком, он очень сильно чувствовал принадлежность к «своей территории»: «все в районе знали, из какого ты двора». Частично причиной этого могут быть особенности морфологии микрорайонов, которые формировались из групп девятиэтажных домов 84-ой «львовской» серии. Львовское отделение Национального планировочного института «Діпромісто» улучшило типовую серию № 84, разработав шесть типов блок-секций, что позволило формировать более разнообразные полузамкнутые жилые дворы, благодаря чему урбанистическая канва модернистского района стала более близкой к традиционной квартальной застройке. В соответствии с первоначальной идеей функционирования микрорайона, жилые дворы были предназначены для формирования социальных связей и активного места взаимодействия. Однако пространство жилого двора сейчас в большинстве случаев воспринимается как место для детей и людей пожилого возраста, и часто занято автомобилями. Но вместе с тем *Олег* и *Иван* также вспоминали, что, будучи детьми, они почти никогда не проводили время на отведенных для детей пространствах, им больше нравилось исследовать заброшенные строительные площадки.

Кроме школ были также и другие места для встреч подростков, обозначенные такими ориентирами, как, например, «бетон» — каркас незавершенного сооружения парковки; культурным магнитом для последователей молодежных субкультур в нулевые годы были «сходы» (с укр. — лестница) — лестница незавершенного многоэтажного жилого дома возле просторной площади, которую освоили роллеры и скейтеры. Также респонденты упоминали, что местами активного социального взаимодействия были квартирники.

Кроме неформальных названий для мест встреч, были также неформальные названия групп жилых домов, формировавшие стойкую идентичность для некоторых подростков. Например, территория вокруг торгового центра «Искра» называлась «Багдад», территория возле железнодорожной станции — «Чикаго». Были еще локальные «Мадрид», «Кувейт» и «Вьетнам». Как вспоминает Иван, существовала некоего рода иерархия между подростками в 1990-е годы, и в этом отношении место локального «происхождения» было важным: «Сыхов был достаточно криминальным районом, и это имело прямое влияние на нас, подростков». Сегодня социальная структура района изменилась, но некоторые жители до сих пор используют неформальные топонимы.

«Центр не существовал для меня, когда я был ребенком, — признался Олег. — Я знал, что живу во Львове, но Львовом для меня был Сыхов». Как и сверстники, он проводил большинство времени в районе, когда учился в школе, но все кардинально изменилось после того, как он поступил в университет и начал работать в центре города. После этого Олег начал проводить свободное время вне района. Другие респонденты также заметили, что после поступления в университет Сыхов стал для них всего лишь «спальным» районом, а их жилое пространство сузилось к некоторым инфраструктурным объектам и их собственным пространствам квартир.

Стоит заметить, что большинство респондентов удовлетворены их частным пространством: «Когда я прихожу домой и закрываю дверь, я — в тишине и комфорте. Это место, где я могу отдохнуть и возобновиться», — говорит Ярина. Более того, Василь Иванович убежден, что общая удовлетворенность уровнем комфорта проживания в районе во многом зависит от организации пространства квартиры.

Вместе с некоторой удовлетворенностью частным пространством, Микола совсем не удовлетворен приватностью: «Это ужасно, никакой приватности, я слышу каждую ссору соседей». «Или же, — он добавил, — соседи могут кричать нам из-за стены «Давайте еще!» после того, как мы с сестрой сыграем на пианино в четыре руки».

Рис. 8. Зброшена строительная площадка

фестивированной в соответствии со ступенчатой системой обслуживания. Вместе с изменениями конфигурации главного общественного центра района — от концентричного к линейному — очер-

Предоставленный набросок мнений фиксирует некоторые границы жилого пространства десяти жителей Сыхова на протяжении последних трех деkad. Это был динамический период, принимая во внимание процесс постепенной интеграции района в общую структуру города, процесс изменений контекста, процесс обживания незнакомой среды и формирования пространственных паттернов в существующей *tabula rasa*.

Актуальная морфология жилого пространства района критически отличается от мани-

тания микрорайонов становятся все более неопределенными, поскольку функциональные связи существенно трансформировались.

Пространства общего пользования, доминирующие среди иных типов пространств, являются наиболее неопределенными в плане функционирования, поскольку даже в похожих морфологиях могут формироваться различные жилые пространства.

Кроме этого, определение общественного пространства «капиталистического микрорайона» может быть проблематичным, как и не результативным стремление к уподоблению функционирования открытых общих пространств районов массовой жилой застройки к функционированию успешных общественных пространств, сформированных исторической канвой городов. Вместе с тем термин *urban* в значении, употребляющимся в западноевропейском дискурсе, не всегда отвечает особенностям среды районов массовой жилой застройки, которая иногда обретает особенности сельской среды, иногда больше отсоединена, чем соединена; избирательно исключаемая, формально объединяемая, она может быть неожиданно разнообразной. Но вместе с тем, термин *жилое пространство (lived space)* может быть более полезным при исследовании пространств районов массовой жилой застройки, поскольку он более чувствителен к изменениям контекста и таким вопросам, как, например, образ жизни, гендер и т. д.

Мнимая гомогенность районов массовой жилой застройки становится хорошим фоном для наслоения новых, часто искусственных, идентичностей: «аутсайдеры» формируют свое представление о районе на основе клише, обобщений и вторичных источников; «инсайдеры» — на основе своего персонального жилого пространства, производя городские мифы и локальную топонимику.

Поскольку жилое пространство в большинстве случаев не артикулировано с помощью архитектурных и ландшафтных элементов, оно часто остается непонятным для «аутсайдеров», то есть для тех, кто не живет, не работает или не проводит достаточно времени в районе. Вместо того большинство локальных жителей испытывает ощущение принадлежности к району или к его отдельным территориям. Больше того, не воспринимая архитектурную среду как преимущество района, можно сделать предположение, что позитивное впечатление от района формируется благодаря опыту жизни и способу «функционирования» социального измерения пространства.

Библиография

1. Андрущенко Н. Комплексная застройка жилых районов. Поиск, эксперимент в зодчестве Украины. — Київ: Будівельник, 1989. — 64 с.
2. Жилой район и микрорайон: пособие по планировке и застройке / Ред. В. А. Шквариков. — М.: Стройиздат, 1971. — 192 с.: ил.
3. Писковский Ю. Эталоны наших городов // Строительство и архитектура. — Київ: Будівельник, 1987. № 5. — С. 11–12.
4. Черкес Б. & Мисак Н. Розвиток і трансформація житлового району «Сихів» у Львові // Вісник. — Львів: Видавництво Національного університету «Львівська політехніка», 2013. № 757. — С. 1–9.
5. Lefebvre H. The Production of Space. — Oxford: Blackwell, 1991. — 464 p.
6. Sassen S. Cityness, Urban Transformation. — Berlin: Ruby Press, 2008. — P. 84–87.
7. Wiest K. Comparative Debates in Post-Socialist Urban Studies // Urban Geography. — London: Routledge, 2012. № 33 (6). — 829–849 pp.
8. Urban F. Tower and Slab. Histories of Global Mass Housing. — London: Routledge, 2012. — 224 p.

References

1. Andrushchenko N. Kompleksnaia zastroika zhilykh raionov. Poisk, eksperiment v zodchestve Ukrainy. — Kiiiv: Budivel'nik, 1989. — 64 s.
2. Zhiloi raion i mikroraion: posobie po planirovke i zastroike / Red. V. A. Shkvarikov . — M.: Stroiizdat, 1971. — 192 s.: il.
3. Piskovskii Iu. Etalony nashikh gorodov // Stroitel'stvo i arkhitektura. — Kiiiv: Budivel'nik, 1987. № 5. — С. 11–12.

4. Cherkes B. & Misak N. Rozvitok i transformatsiia zhitlovogo raionu «Сikhiv» u L'vovi // Visnik. — L'viv: Vidavnistvo Natsional'nogo universitetu «L'viv's'ka politekhnika», 2013. № 757. — S. 1–9.
5. Lefebvre H. The Production of Space. — Oxford: Blackwell, 1991. — 464 p.
6. Sassen S. Cityness, Urban Transformation. — Berlin: Ruby Press, 2008. — P. 84–87.
7. Wiest K. Comparative Debates in Post-Socialist Urban Studies // Urban Geography. — London: Routledge, 2012. № 33 (6). — 829–849 pp.
8. Urban F. Tower and Slab. Histories of Global Mass Housing. — London: Routledge, 2012. — 224 p.